САША ТРУБЕН

ЧАСЫ ДЛЯ НИЖНИХ УЛИЦ

Саша Трубен

Часы для нижних улиц

«Автор»
2026

Трубен С.

Часы для нижних улиц / С. Трубен — «Автор», 2026

Под записью о вчерашней проверке часов стоит подпись человека, погибшего девять лет назад. Часовщица Лида Сивер узнаёт почерк отца.В Ольховце водяные часы звонят перед паводком. На приборе, который принёс речной обходчик Матвей, поднялся синий флажок: тревога подана. Только в доме никто не слышал колокола. До сброса с плотины остаётся меньше двух суток, а на нижних улицах таких часов десятки.Пока Лида и Матвей ходят по дворам, вода подбирается к порогам, а выходы, отмеченные на городской карте, оказываются заперты. Чтобы люди успели уйти, Лиде придётся поднять тревогу самой. И рассказать соседям, что её отец знал о молчащих часах ещё до того паводка, в котором погиб.

© Трубен С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Синий флажок 5
Глава 2. Второй этаж 8
Глава 3. Три двери 11
Глава 4. Один старый ключ 14
Глава 5. Колокол для двоих 19
Глава 6. До шести 23
Глава 7. Приёмная с тремя окнами 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Саша Трубен
Часы для нижних улиц

Глава 1. Синий флажок

Водяные часы принесли Лиде на противне. Под стеклом ещё перекатывалась вода, а в углу корпуса застряла нитка сушёного укропа.

— Прасковья Гридина пирог из печи вынула, чтобы мне их отдать, — сказал речной обходчик. — Велела противень вернуть до утра.

Лида сняла с верстака раскрытый бутерброд. Обходчик поставил противень на освободившееся место и подставил ладонь под край: с железа потекло на пол.

— Часы хоть её?

— Её. Пирог мой.

Она подняла глаза. Матвей Рогов приходил к ней раз в месяц заводить контрольные часы и раз в неделю спрашивать, почему она ещё не починила его карманные. Лида всегда отвечала, что ему надо сначала отдать их в починку. Пять недель это устраивало обоих.

Сегодня Матвей стоял в мокром плаще, застёгнутом через одну петлю, и карманных часов не доставал.

— Что случилось у Гридиной?

— Вечером в окошке показался флажок. Она ждала звонка. Потом принесла табурет, залезла и разглядела, что флажок синий.

Водяные часы ставили в доме на стене, которую не жалко было просверлить. Сквозь кирпич к ним шла трубка от речной мерной стойки. Перед паводком вода в приёмнике толкала поршень, стрелка разворачивалась против хода, и молоточек бил в чашу. В окошке после удара оставалась синяя отметка. Её ставили для обходчика. К моменту его прихода жильцы могли уже уйти.

— Она могла не услышать, — сказала Лида.

— Могла. У неё двое детей. Поэтому я сперва пошёл к соседям. У соседей слышно даже, когда она зовёт детей к столу.

Лида заглянула под стекло. Синий флажок торчал у отметки «Звонок». Стрелки стояли на без четверти восемь.

— Когда ты их снял?

— В восемь двадцать. Сверял по ратуше.

Она записала время на клочке бумаги и пододвинула керосиновую лампу. В углублении на крышке сидела городская пломба. Свинец был новый, светлый. На оттиске читались две цифры и косая черта.

— Ты же знаешь порядок. Городское клеймо вскрывается с жетоном.

Матвей вытащил из кармана медный кружок. Вместе с ним на стол упали две крошки теста.

— Завтра контрольный обход. Мне велели поставить часы на место до шести утра. Если я верну их без пломбы, это будет мой последний контрольный обход.

Лида потянулась за жетоном. Матвей придержал его пальцем.

— А если окажется, что часы в порядке, — спросил он, — ты так и напишешь?

— Я напишу, что увижу.

Он убрал палец.

Лида срезала пломбу и положила её в блюдце. У края крышки обнаружилась царапина. Она уже видела подобные: так бывало, если за винт принимались ножом. Но сама крышка

снялась легко. Четыре винта вышли почти без усилия, а пятый пришлось вынимать пинцетом. Он был короткий, с обломанным остриём.

Под крышкой пахло речной тиной. Лида наклонила корпус, слила воду в противень и принялась промокать механизм ветошью. Матвей подвёл лампу ближе. Его рука заслонила свет, он передвинул её. Больше Лиде ничего объяснять не пришлось.

— Вот собачка, — сказала она.

— Которая лает?

— Которая держит молоточек. Видишь, она всё ещё на зубце. От удара отскакивает сюда. Вернуть её можно только через заднюю крышку.

Матвей долго смотрел на гибкий крючок, который Лида тронула иглой.

— То есть флажок поднялся, а звонка не было.

— Я бы сперва проверила на воде.

Она налила воды из умывальника в стеклянную колбу и присоединила её к трубке. Медленно подняла колбу над столом. Стрелка вздрогнула и пошла в обратную сторону. В глубине щёлкнула пружина. Чаша молчала.

Лида приподняла колбу ещё чуть-чуть. Синий флажок дёрнулся.

Снаружи прохожий протащил по мостовой пустое ведро. Они оба повернулись к окну. Потом Матвей снял плащ и повесил на дверной крючок.

— Сколько у нас? — спросила Лида.

— Сброс в четверг после полудня. Дежурный сказал, к вечеру вода доберётся сюда. Я посмотрел на мерную стойку у мельницы. Там уже третья зарубка мокрая.

Сегодня был вторник. Лида посмотрела на колбу, которую всё ещё держала на весу, и осторожно поставила её на полку.

— Гридина где?

— Дома. Я велел ей собрать детей. Она сказала, что у неё там ещё сестра с больной ногой. Куда она пойдёт с сестрой посреди ночи?

Лида подумала о своей мастерской. Одна печка, две табуретки, тюфяк наверху. Пол за прилавком был сухим. Если убрать ящики с пружинами, сестру можно уложить.

— Сначала зайдём к ней. Возьму большой звонок от дверей, он на поплавок встанет. А это оставим здесь.

Матвей кивнул и достал из внутреннего кармана журнал. Обложка разбухла, страницы плохо листались. Он приподнял угол листа ногтем. Из корешка выскользнула тонкая полоска промокашки и упала на стол.

— Номер прибора, — сказал он. — Сверь. Мне потом эту строку в акт переписывать.

Лида прочла номер на платине. Наклонилась над журналом и повторила его уже тише.

В графе стояло вчерашнее число. Рядом — подпись мастера. Первый росчерк уходил под строку и цеплялся за нижнюю клетку. В последней букве перо дважды проходило по одному месту. Лида знала это движение. Когда ей было двенадцать, отец расписывался так в её школьной тетради. Учитель потом принимал петлю за кляксу, и Лида приносила тетрадь обратно, чтобы отец подтвердил собственную подпись.

— Ты это видел? — спросила она.

— Видел. Думал, однофамилец.

Она достала из-под верстака чистый бланк. Вписала номер часов, время снятия и то, что показал опыт с колбой. На имени мастера остановилась. До этой минуты Матвей ни разу не поторопил её.

— Мой отец погиб девять лет назад, — сказала Лида. — Его тело я видела.

Она положила бланк перед Матвеем и протянула перо. Он придвинул к себе лампу и вписал своё имя ниже её подписи.

— Противень заберём? — спросил он.

— Заберём. А журнал оставишь мне.

Матвей посмотрел на журнал. Потом вынул из него шнурок с медной биркой, на которой был выбит его табельный номер, и убрал бирку в карман.

— До рассвета, Лида. В шесть за ним придут.

Она положила журнал на полку рядом с колбой. Вода в колбе уже успокоилась. Под стеклом снятых часов по-прежнему торчал синий флажок.

Глава 2. Второй этаж

У Прасковьи Гридиной была привязана к двери ложка. Когда входили, ложка била по консервной банке, привинченной к косяку. Гридина высунулась из кухни и погрозила Матвею полотенцем.

— Я тебя за часами посылала, а не за противнем.

— И противень пришёл, и часовщица. Часы у неё на столе.

— Дайте-ка, — сказала Гридина и приняла противень обеими руками. — Пирог хоть съел?

Лида ожидала, что их впустят в кухню. Гридина провела их наверх. Лестница была наружная, под обшитым тёсом навесом. С нижней площадки можно было дотянуться до бельевой верёвки соседнего дома. На верёвке висели три детские рубашки. Одна побелела на плечах — её прихватило морозом, — но кромка уже капала.

Наверху, среди корзин с пряжей, лежала сестра Гридиной. Она была в платье, в одном валенке и с расчёской на груди. Мальчик в фартуке просунул ручку второй расчёски в щель между досок пола и качал её туда-сюда.

— Дядя Матвей, тётя Зоя сказала, что без ноги на чердак не полезет. А где у неё нога, если вот она?

— Дань, выйди, — сказала Зоя.

Мальчик вытащил расчёску и вышел.

— Сходить вниз она не может, — объяснила Гридина так, будто сестры в комнате не было. — В ногу от колена до живота стреляет. Фельдшер сказала лежать. Будь она сама здесь, я бы ей показала, каково сидеть целый день и слушать, что тебе сказано лежать.

— Я слышу, Паша.

Гридина поправила Зое подушку. Лида заметила на полу мужской ремень с двумя новыми дырками, рядом — сложенное одеяло. Сёстры, видимо, уже пробовали спускаться.

— У кого из соседей второй этаж соединяется с вашим? — спросила Лида.

— Навес с навесом. А зачем нам соединяться?

Матвей подошёл к окну. На стекле примерзла бумажная полоска: дети заклеивали щель, но бумага отклеилась и висела одним концом.

— Если поднимется по вторую ступень у двери, во двор лучше не соваться. От мельничной стены туда несёт доски. Я хотел бы знать, как вынести Зою, если не через двор.

— А чего ты пятнадцать минут назад про доски не говорил?

— Пятнадцать минут назад я не знал, что у вас часы не звонили.

Гридина не сразу нашла куда положить противень. Потом поставила его на корзину и села на самый краешек кровати.

— И что, совсем не звонили?

— Мы подняли воду на проверке, — сказала Лида. — Флажок шевельнулся. Удара не было.

— А вы их почините?

— Завтра, если найду причину. Сегодня поставлю здесь другой звонок.

Мальчик вернулся с сестричкой, которая несла в кулаке два гвоздя. Не глядя на взрослых, Зоя отдала им расчёски.

— Возьмите из печки хлеб и постелите возле двери, — сказала она. — В плетёнку, говорю, хлеб. А постелите дорожку, у людей ноги мокрые.

Гридина открыла рот, посмотрела на детей и промолчала. Лида вытащила из сумки старый дверной звонок. У него была большая медная чашка, и под Новый год, когда она поста-

вила его у себя, от каждого покупателя в верхней комнате дребезжал стакан с зубной щёткой. Красивого звона из него получить не удалось. Теперь это качество было как раз кстати.

Они спустились туда, где раньше висели часы. В деревянной рамке остался хвост медной трубки, обмотанный полоской ткани. Матвей снял обмотку, и Лида принюхалась. В мастерской запах показался ей обычной тиной. Здесь под ним слышалось другое — жирное, знакомое, как у раскрытого ящика в жестяной лавке. Она оттёрла трубку уголком полотна. На нём осталась тёмно-красная полоска.

— Откуда здесь сурик?

— Пломбы на стойках метят, — сказал Матвей.

— На стойке метят снаружи. А это внутри.

Она накрутила на трубку короткий рукав, который принесла из мастерской, и опустила другой его конец в стеклянную банку. Вода мочила дно медленно, по капле. Лида присела, дождалась следующей капли и потрогала рукав. Если он перегнётся у края, вода найдёт себе путь наружу.

— Есть у вас пузырёк покрепче? Из-под лекарства. И чтоб пробка целая.

Гридина без вопроса полезла в буфет, но пузырёк принёс Даня. Он держал его горлышком вниз, и оттуда вылетела сухая стрекоза.

— Жалко? — спросила Лида.

Мальчик оглянулся на мать.

— Она уже всё.

Лида сунула пустой пузырёк в банку. Привязала к горлышку бечёвку, пропустила её через ушко звонка. Когда вода поднимет пузырёк, бечёвка освободит грузик, а грузик ударит по чашке. Механизм одноразовый, зато его можно собрать из того, что уже есть в доме. Для последней пробы Лида попросила Даню подержать банку и долила в неё из кружки.

Звон поднялся такой, что сверху закричала Зоя. Мальчик чуть не выронил банку. С улицы кто-то постучал в окно.

— Это мы пробуем! — крикнула Гридина. — Пойдите спать!

Лида натянула бечёвку заново и отметила будущий уровень воды царапиной на стене. Матвей стоял рядом и смотрел на наклон трубки. Она решила, что сейчас он начнёт спрашивать, сколько времени займёт установка в каждом доме. Он попросил показать, как взводят грузик.

Лида показала. Потом позвала Даню и заставила его объяснить всё Матвею с самого начала. Мальчик запутался, с чего начинать, но быстро собрался, когда Лида спросила, куда у них делась стрекоза.

— Дань, — сказала Гридина, — а если опять зазвонит?

— Беру сестру за руку. Иду к тёте Зое. Сначала за руку, потому что она бежит к двери.

— К окошку, — поправил Матвей. — Там мать скажет, что делать.

— А ты что скажешь? — спросила Гридина.

Матвей наклонился и упёрся ладонями в подоконник. За стеклом была улица, а в конце её, при тусклом фонаре, угадывался каменный поворот к мельнице. Если смотреть на фонарь долго, можно было принять тёмную поперечину за перила моста. Лида в детстве так и думала, пока однажды не дошла туда днём. Поперечина была запорным брусом. За брусом начинался спуск к воде.

— Скажу, что за Зоей приду, — ответил Матвей. — Но ещё не знаю, кто со мной придёт.

Он попросил у Гридиной ремень с дырками. Она вынесла его неохотно, придерживая за пряжку.

— Не сгибай сильно. Треснет там, где я проколола.

Матвей продел ремень под плетёным сиденьем кухонного стула, примерил, отвёл руки. Лида взяла стул за передние ножки, он за спинку. Они подняли его на ладонь. Сиденье провисло и выскочило из рамы.

— Тут ни одного гвоздя, — сказал Матвей.

— Так я на нём чищу картошку, а не в реку выхожу, — сказала Гридина.

Зоя засмеялась наверху. Смех быстро оборвался. Гридина взяла лампу и пошла к ней. Матвей поставил стул к стене, повесил ремень на спинку. Когда Гридина вернулась, он уже говорил Дане, в какой дом надо бежать за сапожником, если звонок сработает, а его, Матвея, рядом не будет.

Лида перерисовала схему звонка на оборот старой квитанции. Бумагу положила на сухой подоконник. Гридина взяла её, повертела перед собой и убрала за отворот передника.

— Зачем мне это?

— На случай, если опять поставите на колбу пирог. Чтобы знали, что куда привязать.

— На колбу пирог! Я мокрых часов на столе не оставлю, вот и всё. Это не инструменты твоего отца. Они хоть из чего сделаны, я видела. У него в мастерской всегда была тряпка под рукой. И трубки он красил чёрным.

Лида уже взялась за сумку. Теперь опустила её обратно.

— Паша, когда он у вас в последний раз был?

— Твой-то? Да летом, перед той водой. В красной рубахе. Оставил ключ, сказал не вынимать, пока не услышишь. Я и не вынимала.

— А что услышали?

Гридина смотрела на банку, в которой тихо, с отдельными вздрагиваниями, поднималась вода. Лида видела по её лицу, что спрашивать второй раз бессмысленно.

— Лестницы, — сказала наконец Гридина. — Сперва слышно было, как лестницы на ту сторону таскают. Мы-то привыкли, что сперва звонит. Если бы у ребят двор не протекал, так бы и спали.

Матвей ничего не записал. Он дождался, пока Гридина поправит банку и отойдёт на шаг от стены.

— На другом конце улицы кто ещё на старых трубках? — спросил он.

Гридина перечислила три дома. В первом жила белошвейка, которая не открывает мужчинам после захода солнца. Во втором сапожник сдавал угол. Третий был пустой, но у хозяина на косяке всегда висел ключ с плоской бородкой.

Уже на ступеньках Лида вспомнила, что оставила в Гридининой кухне кружку. Она вернулась, увидела четыре руки над хлебной корзинкой и тихо притворила дверь.

Глава 3. Три двери

Белошвейку звали Аглая. Она не открыла и Лиде. Сказала через дверь, что до семи за работой, после семи у неё заказчица, и если кому надо залить в часы воды, господин обходчик справится сам.

— Аглая, речь о ваших часах, — сказала Лида.

— А я о чьих говорю?

В щель под дверью выбивался свет. Лида присела и увидела, что с той стороны кто-то подложил свёрнутую ткань. Ткань сперва не шевелилась. Потом край отогнулся, показалась рука в шерстяном рукаве и плотнее набила свёрток под порог.

— Подойдите к циферблату, — попросила Лида. — Скажите, нет ли синего в левом окошке.

— Нет.

— Вы видите от двери?

В доме затихло. Зашаркали шаги, зазвенело стекло. Через несколько секунд Аглая спросила тем же голосом:

— Которое левое?

Лида ответила. Дверь открылась на ширину цепочки.

— А если есть?

Аглая стояла в мерной ленте, обёрнутой вокруг шеи, и держала портновские ножницы. Из комнаты тянуло сухим шелестом кальки. Чуть дальше от прихожей Лида увидела ноги манекена, сделанные из черенка и двух обломков качелей. На манекене поблёскивала зелёная юбка. При свете лампы зелень казалась дорогой. Лида узнала ткань. Её концы продавали у лодочной пристани по аршину, и красилась она так, что в дождь потом три дня ходили с зелёными ногами.

— Проверьте быстро, мне рано сдавать, — сказала Аглая и сняла цепочку.

Часы висели между входом и комнатой. Снизу на корпусе белела меловая черта. Лида потянулась к мерной трубке, но Аглая перехватила её руку.

— Я отметила, как их повернули в понедельник. Тогда вон та ножка стояла на черте. Поглядите, там, в углу.

Лида посмотрела. Ножка съехала в сторону на полпальца. Внутри трубки наверняка натянулась муфта. Она предупреждала об этом мастеров ещё в прошлом году: корпус привинчивали к стене где придётся, а муфту завязывали тряпкой. Вода просачивалась в стык и за зиму разводила кладку. У Аглаи стена под часами была сухой, только по обоям шла узкая серая полоса.

По бокам стекла тянулись два ряда заклёпок. Внизу, на кромке, Лида нашла оттиск. Две цифры и косая черта, как у Гридиной. Она достала кусок бумаги и провела по кромке карандашом. Оттиск перешёл на бумагу. Так было легче разобрать, что в черте есть маленькое утолщение в виде капли.

— Кто был в понедельник?

— Двое. У одного рука в повязке, второй на лестницу полез. Им и чаю не надо было. Как воды попросили, я ведро принесла, потом оказалось, что вода им для часов.

— Который расписался?

— Я за себя расписалась. Они унесли книжку.

Матвей был во дворе, под нижним скатом крыши. Когда Лида вышла, он спичкой отогревал примерзшую к борту колодца крышку. Короткая спичка догорела, и он сунул пальцы в снег.

— Та же пломба, — сказала Лида. — Пока оставила на месте. У неё свежая отметка.

— Я по её адресу в понедельник не ходил. Смена была у Сени. Можно спросить, кого в журнал пускали.

В соседнем доме кто-то работал молотком. На второй удар отозвался пёс. На третий пёс устал и замолчал. Матвей пошёл вдоль забора туда, откуда слышались удары.

Сапожник Платон Кольцов держал мастерскую в бывшей прачечной. Внутри даже зимой пахло щёлоком. В широкую деревянную кадку, перевёрнутую вверх дном, Платон вколачивал клин. Его старшая дочь Тася сидела на другой кадке, обвязав пятки тряпками. Перед ней стояли три пары сапог. Она переставляла их носками к двери и обратно.

— Это куда? — спросил Матвей, показывая на кадку.

— Куда поплывёт, — ответил Платон. — От нижней улицы с утра будет одно название, а ты по сапогам ходишь.

— Что ты слышал?

Платон примерил клин, вытащил его зубами.

— Взгляни на пса. Он на цепи сидел. Сегодня к вечеру с цепи слез и ушёл на поленницу. Я его за палкой упрашивал вернуться. Палку у меня отнял, сам остался.

— Сколько людей в доме? — спросил Матвей.

Платон промахнулся по клину. Молоток ударил по торцу доски. Тася перестала возиться с сапогами.

— Начальство послало? — спросил Платон.

— Гридина. Сестра у неё со второго этажа не сойдёт. Нужен человек, который возьмёт стул с другой стороны.

Платон согнулся, чтобы подобрать клин. Лида в это время заметила на стене пустые крючья. Под ними труба уходила в пол. У самого конца её заткнули сапожным каблуком.

— А где ваши часы?

— У меня. Пришли менять втулку. Я разрешения не дал. Новая втулка, говорят, уплотнённая, дольше служит. Я бы и не спорил. Только они её у меня в рукомойнике промыли, а на дне красное осталось. Меня отец учил сперва глядеть, что из нового сапога на снег течёт. Я им дал ведро, а часы забрал. Потом они пришли опять, сказали, что работа учтена. Ну пусть учтена.

Матвей спросил, сохранил ли он втулку. Платон вынул из коробки с подковами жёсткий свёрток. Развернул его на неокрашенном краю верстака. Внутри лежала маленькая трубка с насечкой на одном конце. Рядом — чешуйка красной краски, тонкая и ломкая. Лида согнула её ногтем. На изломе выступил блеск металла. Она попросила чистый лист и завернула деталь заново. Платон наблюдал за каждым её движением. Когда она дошла до последнего угла, он протянул ей полоску кожи вместо бечёвки.

— Забирай, — сказал он. — Только если это в управу уйдёт, чтобы там и моя фамилия была.

— Будет.

— Тогда поставь мне на дверь свои часы. У меня позавчера постоялец от окна уехал на работу. Сменщик должен был прийти и закрыть. Оба сегодня заявились. Вторые сутки у них спор, кто кому должен. Вон они на чердаке, рассуди.

Лида взвесила на ладони свёрток. В Гридининном звонке было две запасные бечёвки, но больше ни одной чашки. Ещё одна чашка стояла дома, в этажерке. Сверху в неё был налит рыбий жир для пропитки ремней. Чуть дальше, на полке у печки, висели колокольчики с ёлочной распродажи. Мелкие, зато их было много. Кому хватит мелкого звона и через какую стену, придётся выяснять на месте.

— Я принесу вам чашку к утру, — сказала она.

— Мне до утра спать где?

Тася надела ближайшие сапоги поверх тряпок. Они были ей велики. Она встала на порог и с усилием подняла носки, чтобы не запнуться.

— К Гридиной схожу я, — сказала она. — Позову её сюда. Она нашу маму с мостовой одна унесла, а та весила больше меня и в тулупе была.

Платон коснулся её плеча, но не стал останавливать. Вместо этого сунул ей в руку шапку, которая висела у двери с начала зимы. Тася вышла. Пёс на поленнице тихо фыркнул, и она позвала его по имени.

Оставался третий дом. Лида думала, ключ придётся искать в темноте, но тот висел там, где сказала Гридина. Матвей снял его с гвоздя. Вставил в замок и вытащил обратно. Бородка осталась сухой.

— Здесь заперто изнутри, — сказал он.

Он постучал в дверь костяшками. От первого удара в доме загремели половицы. От второго по ту сторону кто-то поставил на пол снятый с крюка фонарь. Лида увидела свет у самого порога.

— Там кто, — спросил из-за двери человек, — обходчик?

— Да.

— Со вторника или с понедельника?

Матвей повернулся к Лиде. На улице завозились чужие сапоги, будто кто-то долго выбирал, как пройти по льду и не выдать, что подслушивает. Лида узнала Тасю только по шапке. Та быстро проскользнула к Гридининой лестнице и исчезла за поворотом.

— Сегодня вторник, — ответил Матвей.

— Я знаю, какой сегодня день. Мне надо знать, какой журнал у вас.

Лида машинально коснулась сумки. Ткань провалилась под пальцами. Журнал лежал дома на полке, в закрытой мастерской, отдельно от акта. Она заперла дверь, Матвей видел. Ключ она убрала в тот же карман, где носила напёрсток, чтобы не рыться потом в темноте.

— Вторничный, — сказала она, прежде чем Матвей успел открыть рот.

Фонарь за порогом поднялся. В щели под дверью на миг появилось движение, будто человек в доме подошёл ближе и поставил ногу прямо на свет.

— Тогда спросите у Сивера, куда он дел мои часы, — сказал он.

Матвей положил руку на косяк. По ту сторону задвинули вторую задвижку.

Глава 4. Один старый ключ

Когда Лида стучала у себя дома, стук шёл по косяку и среди банок звенели те, куда она складывала лишние шайбы. Здесь Матвей положил руку на косяк, а дерево под ладонью не отозвалось. За дверью было слышно, как дышит человек. Лида почти видела, с каким усилием он сдвинул тяжёлую задвижку. В доме наверняка было тихо целый день. Шорох золы в печи, свист воздуха в замочной скважине и вот теперь они.

— Меня зовут Лида Сивер, — сказала она. — Я часовщица.

— Вас я по голосу узнал.

Говорил он низко, почти шёпотом, с такой вежливостью, что Лида выпрямилась, как перед заказчиком, которого нечем усадить.

— Если речь о покойном Николае Сивере, я его дочь. Здесь со мной Рогов, он обходчик с Нижней.

Задвижка, которую только что запирали, загремела в обратную сторону. Дверь отошла на два пальца. Из темноты вытянулась рука со сломанным ногтем и густо набитыми складками между суставами. Пальцы ощупали край косяка, нашли выбоину и вцепились в неё.

— О Николае я ничего не говорил, — сказал человек.

— О ком же?

— Роман. Он ведь вам дядя.

Она кивнула, потом вспомнила, что через щель он вряд ли видит её лицо.

— Двоюродный.

— Тогда ещё вам платить за воду и за плотину. Я заплатил за всё сразу, а часы он унёс.

Матвей снял фуражку. Лида не понимала, зачем. Может быть, чтобы собеседник видел глаза. Он в таких мелочах знал здешних людей лучше неё. Она ставила ставку на верстак, свет и время, которое можно спокойно потратить на деталь. У Матвея каждая работа начиналась с порога.

— Как давно унёс? — спросил он.

— Понедельник, после обеда. Сказал, вашу стойку отключили. А вечером уже снова шла вода.

— Где шла?

Рука на косяке дрогнула. Один палец отогнулся, и Лида увидела у основания среднего сустава старую белую полоску, будто туда когда-то ударили краем резца.

— Зайдите. С улицы мне голос до печки не донести.

Дверь отворилась. Человек стоял, опираясь левым боком о неё. На нём был длинный жилет, выкроенный под спину шире, чем нужно. Грудь под жилетом ходила заметно даже при тусклом свете. Он вынул из-под локтя фонарь и ступил в сторону. Правую руку он прижимал к животу, в ней едва угадывался конец полотняной обмотки.

У Лиды перед глазами мелькнул мальчик на отцовском дворе. Он сидел на перевёрнутом ведре и держал ту же руку над забитой щепками кадкой. Отец послал Лиду за чистым полотном. Пока она бегала, мальчик ни разу не вскрикнул. Потом отец ещё долго запрещал ему снимать перевязку зубами.

— Семён, — сказала она.

— Наконец-то.

Она узнала его по этому слову. Семён Гать всегда ждал, пока она сама вспомнит то, что бурчал ей под нос. Бывало, проговаривается и первым подсказывает, а потом сердится, что подождать не хватило терпения.

В горнице стояли две низкие печи. Одна, обычная, была тёплая. Вторую, широкую, с железной дверцей, сложили в торце дома. Возле дверцы сохла пара мягких войлочных туфель.

За свежим кирпичом у старого печного устья темнел резной край бывшего подоконника. Дом переделывали из мастерской или мастерскую сюда втащили целиком. По полкам шли продольные лотки, такие удобные, что Лида даже сейчас отметила, на каком расстоянии друг от друга просверлены дырочки для отвёрток.

Семён поставил фонарь на стол. Повязка на руке была чистая. Он увидел, куда она смотрит, и поднял руку.

— Осторожнее стал. Сам обмотал, когда стекло вынул.

— Из каких часов?

— Из своих. Они поставили новое, глаза режет. Старое хранил под печкой. Понедельничный мастер сунулся туда за тряпкой и чуть всё не раздавил. Я успел.

— Аглая видела двоих. У одного рука в повязке.

— У того левая, — сказал Семён. — Я его за рукав придержал, когда он об трубу зацепился. Он даже не заметил, что я ему помог. Роман стоял у двери, говорил с кем-то во дворе. Он знает, где такие номера у часов искать. Я за ним потом ещё на улицу вышел. Кто второй, откуда он взялся, Роман мне не сказал.

Лида опустилась на скамью. Под коленом упёрлась неровность. Она провела рукой и обнаружила в дереве выпуклый сучок, старый и тёплый. В детстве она думала, что Семён отправится в главный город и сделается там лучшим мастером. Он и сам собирался. Ему хотелось увидеть часы, которые на вокзале раз в сутки поют обоими рядами труб. Она стеснялась спросить, взял бы он её с собой. В один год оба повзрослели, а ещё два года спустя отец умер. Как Семён ушёл с её двора после похорон, Лида тогда не заметила. Тётка сказала, что он уехал к родне. Потом Лида перестала спрашивать.

— Куда они часы унесли? — спросил Матвей.

— Если б я знал, чего бы я у вас спрашивал?

— Пока я услышал только про вашу дверь. Какой маршрут у понедельничной бригады?

Семён достал из ящика коробок, но не открыл. Провёл ребром по столу. Пламя в фонаре вытянулось. На другой стене Лида увидела след от часов: прямоугольник обоев чистый, снизу трубка снята с резьбы. В резьбу воткнули восковую пробку, на ней виднелся кусочек красной ткани.

— Обходчик с понедельника приходил раньше, — сказал Семён. — В полдень. У него была тонкая книжка с поперечными полосами. А Роман носил чёрную. Они у меня на стол обе положили. Одну за другой. Тонкая раскрылась, там напротив моего дома пусто. К вечеру в ней уже стояла отметка, что я принял часы.

— Ты увидел её снова?

— Ко мне соседский мальчик листок принёс. Ему велели дать хозяину. Я никакой не хозяин. Дом артельный, я присматриваю. Листок не подписал. Мне туда и вписали, что без замечаний.

Он подвинул коробок к лампе. Матвей протянул руку. Семён прижал коробок ладонью и покачал головой.

— Листок у меня под полом. Я его вам отдам, если вы вдвоём запишете, что часов здесь нет. Вот сейчас. С номером, когда сняли и когда я вам показал стену. Вчера утром я сходил в управу. Спросил у окна, почему в журнале от моего имени записывают, что я делал. Мне велели взять справку о том, что я не подписывал в комнату шестую. В шестой комнате попросили показать часы.

Матвей снял сумку с плеча. Ластовица под пряжкой зацепилась за пуговицу плаща. Лида увидела, что там стоит короткая оторванная нитка, и отцепила её ногтем. Они сидели вплотную. Матвей сдвинул локоть и положил между ними чистый лист. От жёсткой бумаги пахло его табаком, хотя она никогда не видела, чтобы он курил.

— Время? — спросил он.

Лида взглянула на окно. Внизу было светло от снега, наверху чёрное стекло отражало фонарь.

— Часы у вас есть ещё какие-нибудь? — спросила она Семёна.

Он вынул из кармана наручные, перевернул запястье, приложил корпус к уху. Лиде захотелось взять их в руки. Узкие, такие маленькие, что в мастерской стоило перебрать их над тарелкой, иначе одна сорвавшаяся деталь пропадала на неделю. Семён заметил её взгляд.

— Эти ходят, — сказал он и назвал время. — Без десяти одиннадцать. В четверг им будет двадцать восемь лет.

Матвей написал в акте, что в доме без десяти одиннадцать, на месте, бесспорно, нет означенного прибора. Лида прочла через его плечо.

— Уточни, что мы видели. Трубку, открытые крепления. Семён при нас часов не предъявил. Про понедельник с его слов.

Семён отошёл к полкам. Она думала, заденет его. Он достал оттуда чернильницу, положил на стол. Матвей развинтил крышку, и Лида пододвинула лист ближе к фонарю.

— Тебе удобно? — спросил Матвей.

Она сообразила, что сама сидит на всём свисающем краю его плаща. Встала, расправила край. Немного чернил пролилось на стол. Семён тут же промокнул пятно квадратом хрустящей бумаги. Он не выбросил его, а повесил на крючок у печи. В чёрном пятне на бумаге торчал хвостик, точно маленькая речная рыбка.

— Я вам подпись поставлю, — сказал он.

Матвей дал ему лист. Семён написал фамилию левой рукой. Каждая буква получалась целиком, просто расстояния между ними были непривычно большие. Лида дождалась, пока подсохнут чернила, и поставила свою подпись последней.

Семён поднялся. Дойдя до тёплой печи, он опустился на колено и стал шарить пальцами под войлоком. Достал деревянную дощечку с отпечатком угля, на ней был листок, сложенный наискось. Отпечаток занял почти весь сгиб. Матвей вынул из сумки конверт и осторожно подхватил лист.

— Тут номер, — сказал он. — Знаешь, чей?

— Моих часов. Он стоял на стекле, я его помню. С той стороны от царапины, где двоечка как будто лежит.

На листке были два номера. Лида увидела, что двойка действительно отпечатана боком. Дальше шла графа с номером квартирного входа. Там написали сто четыре, хотя дом стоял третьим от сапожника, и ни одного номера выше тридцати на улице быть не могло.

— Это старый номер мастерской, — сказал Семён. — Таких домов тут почти не осталось. Я указывал про вход, когда въехал. Иначе уголь приносили на Нижнюю, сто четыре, а я ходил его обратно таскать. О том и жаловался.

— Другие дома в тонкой книге были? — спросил Матвей.

— Она открылась на одной странице. Две линии под моей и ещё три перед. Я успел только проверить, что одна линия точно наша.

У Лиды свело пальцы от холода. Она посидела, прижав их к тёплому боку фонаря. Потом посмотрела на широкую печь. Лотки над ней были слишком глубокие для домашнего инструмента. Лида могла бы засунуть в один из них обе руки до локтей.

— Кто здесь прежде жил?

— Никто. Это дальняя комната разборного двора. Наш стенд стоял через проход. Когда двор закрыли, полстены разобрали, а где что оставалось, я уже не видел.

— Наш?

Семён опустил поднятую к фонарю руку.

— Николая. К тому времени вы уже учились у старого Витина и по дворам не лазили.

Лида тут же захотела возразить, что лазила. Где-то среди вещей лежал её ученический футляр, куда они с отцом тайком положили кривую стеклорезную иглу. Игла считалась испорченной, Лида проучилась с ней ещё два года. Она никогда не понимала, зачем ей хранить футляр. Сейчас ей показалось, что сможет принести его сюда и показать: вот, я была с ним, и он брал меня к людям, и я знала, что у него за работа.

— Стенд у нас в школе был, — сказала она. — Поршень леской тянули.

— Здесь тянула река. Из цеха заявку подавали ночью, чтобы стойка на общий ход отозвалась. В стойке меняли груз, а часы на дворе должны были в тот же миг дёрнуться. На всю Нижнюю тогда не ставили, вода до утра не успевала. Вы руки согрейте. Там, под фонарём, очень жарко. Припечёт и не заметите.

Она отняла руки. Теперь боль в пальцах была острая. Знала бы мать, что она платит за печное отопление, а дочь сидит среди ночи в чужой горнице и греет руки о стекло, пришла бы сама и известила обоих, сколько стоит керосин. Мысль была такая обиходная, что Лида вдруг почувствовала усталость. С самого вечера она ждала ответа от всего, на что смотрела. У доски, у повязки, у мокрых часов. Здесь её спросили только, не припекло ли руки.

— Семён, я видела его подпись, — сказала она.

Семён встал очень прямо.

— На моём листке?

— На странице за вчера. Там часы Гридиной. Самую нижнюю клетку, как он всегда, задел. И ту петлю, которой букву заканчивал. Чернила не расплылись. Хорошо его помню.

Ей было видно, как он выбирает ответ. Семён поискал глазами часы, хотя только что спрятал их в карман. Потом занялся повязкой, пропустил конец под виток.

— Есть бумаги, где он дважды расписывался, — сказал он. — Первая проба, вторая проба. На первой хорошо вышло. На второй, если приглядеться, перо у него зацепилось, и край надорван. Я тогда держал доску, он подписывал на весу. В нашем деле хороший мастер до обеда расписывается раз десять. На одних бумагах могли и сэкономить, если им удобно.

Это показалось Лиде ужасно осторожным ответом. Она не могла понять, сказала бы тётка так, если бы сама увидела подпись. Может быть, в её устах ответ и показался бы разумным. Семён знал отцовский почерк, но не видел журнала. Он был прав. Лида всё равно рассердилась.

— А если они хоть на одной бумаге сэкономили так, что человек не услышал воду?

Семён взял фонарь и подошёл к печи, той, которая стояла холодная. Приподнял войлочные туфли. Между ними лежал ключ. Кольцо у него было загнуто, как верхняя ручка у мехов, и на бородке алела царапина засохшей краски.

— Из этого дома есть проход на бывший двор, — сказал он. — За печкой в полу настил. Поднимете две доски и увидите запор от стенда. Там маленькая дверца в перегородке. Она заедает, если давление сверху. Я через неё не полезу. Старость мне на то и выдали, чтобы не карабкаться через оконца. А вы идите, если найдёте зачем. Ключ от дверцы.

Он протянул его Лиде. Лида не сразу подалась навстречу. Посмотрела, как Семён держит кольцо двумя пальцами, придерживая тяжёлую бородку ладонью, и вспомнила, что отец носил такой ключ на шнурке под рубахой. Лида не могла утверждать, что это тот же ключ. Рука всё равно потянулась к нему раньше, чем она решила.

— Понедельничным ключ не показывать, — сказал Семён. — Роману тоже. Он дверь с той стороны хорошо знает.

Матвей взял фуражку со стола и поднялся. Семён отвёл его к косяку и тихо попросил прочитать акт вслух. Матвей прочёл, не торопясь. Когда дошёл до собственного имени, Семён кивнул и убрал лист в лоток. Один острый угол остался торчать наружу. Он хотел его прижать, потом передумал.

Они вышли. На той стороне улицы два окна уже потухли, а у Гридиной в верхнем всё ещё горела лампа. Тася сидела у лестницы, в заплатанном пальто старшего братца, и вдела

слишком широкие сапоги между ступенями, чтобы не скользили. Она подняла руку. Матвей ответил тем же движением.

Лида убрала ключ в отдельный карман. Тут же, не глядя, переложила его обратно. В отдельном кармане была дырка едва ли с полногтя. Раньше Лида не держала там ничего тяжелее клочка шерсти.

— До шести, — сказал Матвей.

Лида знала, что он говорит о журнале. Глядя на Тасю, она подумала о другом счёте. До утра следовало собрать два звонка и достать у кого-нибудь стул, который выдержит живого человека. Всё остальное она могла позволить себе обдумать уже в мастерской, если там ещё будет чем и на что смотреть.

Глава 5. Колокол для двоих

По пути к мастерской Матвей сворачивал во дворы, куда Лида никогда прежде не заходила. У конторы соляного склада он вытащил из-под навеса брусок и подложил под створку. На стене пристройки мелом нарисовал короткую стрелку. Потом пяткой растёр её и нарисовал ниже. Лида видела стрелку и со двора, и из проулка, если смотреть на дверь прямо.

— Ты так каждый вечер ходишь?

— Только если бруски оставили под навесом.

Он ещё не успел договорить, как дверь изнутри дёрнулась. Брусок удержал створку. В проёме появился сторож в длинной рубахе, с заспанным лицом и раскрытым ртом.

— Дай на ночь, Силантий, — попросил Матвей. — Утром верну.

Сторож посмотрел на его руку и на брусок.

— Ты из-за него разбудил?

— Из-за двери. Если позовут, пропусти через склад. Туда и обратно. У Гридиной больная.

Силантий закрыл рот, подумал. У него ладонь была в мучной пыли, а на пальце болталась нитка с обрывком бумажной печати.

— Тут соль, — сказал он. — Я не за себя. Я за мешки отвечаю.

Матвей достал карандаш. Записал на незаполненном боку старого маршрутного листа, что в случае прохода берёт ответственность за мешки, расписался и дал сторожу. Силантий сложил бумагу пополам и убрал в нагрудный карман.

— Не хватит там денег у тебя, — сказал он, придвигая брусок сапогом. — Проходите через контору, там из денег только мои.

На подъёме от склада Лида шла чуть позади Матвея. С улицы доносился глухой шум. Вниз по сточной канаве уже текло мутное, пенное. В одном месте вода сочилась из-под камня и успела прорезать снег до самой мостовой. Матвей перекинул через канаву дощечку, которая лежала рядом, придавленная кирпичом. Лида перешла и остановилась.

— Он тебе мешки сбережёт, — сказала она. — А ты ему бумажку.

— Ему нужна бумажка. Есть люди, которые просят верёвку. Есть которым надо, чтобы тебе самому было чего терять.

— Третьего ты ещё не встретил?

— Встретил. Она взяла мои часы и четыре месяца не отдаёт.

— Взяла?

Матвей полез в карман. Лида решила, что он ищет привычные крошки, и чуть подалась вперёд, чтобы стряхнуть ему с полы снег. Он вынул часы, обёрнутые платком, и сунул в её сумку. Из платка торчало сломанное ушко для цепочки.

— Вот теперь взяла, — сказал он.

Она могла бы тут же вынуть их и вернуть. Вместо этого поправила свёрток с втулкой Платона, чтобы два предмета не бились друг о друга на ходу. В сумке теперь едва сходился край, так что шла она, прижимая её к боку.

Дверь мастерской отомкнулась сразу. Снег у порога остался нетронутым. На полке стояли колба и журнал, как прежде. Матвей сбросил шапку, поставил на печь чайник и, пока Лида отыскивала в серванте чашку с рыбьим жиром, вытащил из-под дров сухую берёсту. Он умел разводить огонь тихо. Подвигал поленья длинной щепой, дождался, когда внутри разгорится, и только потом захлопнул дверцу.

Лида перелила жир в пустую чернильницу и поставила чашку отмачиваться. Потом разложила инструменты. Снятые часы она придвинула к краю стола, положив так, чтобы увидеть клейма, не поворачивая корпуса. Фонарём послужила лампа с отбитой ручкой, она давала круг

света как раз на один раскрытый прибор. Матвей присел на табурет с другой стороны. Между ними остался чайник.

— Если думаешь, что можно вдвоём к одному механизму, встань сейчас, пока я не начала, — сказала Лида.

— Чтобы уйти?

— Чтобы видеть. Когда сидишь, смотришь мне под локоть.

Матвей встал. Она показала подвод от трубки и пружину над стаканчиком поршня. Поршень можно толкнуть отвёрткой. Если нажать сильно, загнутый край даст тот же звук, какой час назад слышали при опыте с колбой.

— Тут мне видно, — сказал он. — А что ты ищешь?

— Где он мог промолчать. Кто его заставляет.

Лида подвела иглу под защёлку. Защёлка отозвалась ходом, как положено. Молоточек дошёл до чаши, ударил негромко, на низкой ноте. Падать ему, судя по всему, было куда. Лида взвела механизм обратно, промокнула иглу. Потом тонкими щипцами сдвинула в пазу пластинку, на которой держался синий флажок, и вытащила его из окошка. Матвей подвинул чайник. Они опять подсоединили колбу, подняли на тот же уровень. Теперь флажок было видно с самого начала.

Он двигался рывками. Сначала сдвиг пошёл при первом движении иглы. Потом рычажок дёрнулся вверх, показался синий уголок. Защёлка ждала. Всё должно было произойти за один удар, но между ходом флажка и движением стрелки оставалось время, за которое Лида могла произнести своё имя целиком.

Она опустила колбу. Вода стекла обратно по рукаву. Защёлка осталась на зубце, а флажок — у отметки.

— Его толкают снизу, — сказала она. — Слышу только как, не вижу.

Под левым краем корпуса тянулась узкая металлическая перемычка. Чтобы вытащить её, надо было отвинтить пять винтов, один уже был сломан. Лида нашла на дне часов красную крупинку, приложила к чешуйке от Платона. Обе были одного цвета, но принесённая чешуйка на изломе блестела. Эта рассыпалась от нажима. Лида вынесла обе в отдельные бумажные пакетики, записала, где нашла.

Матвей глядел не на пакетики, а на часовую чашу внутри корпуса.

— Если она всё-таки один раз срабатывала и её снова взвели?

— Гридина крышку не снимала. Пломба осталась целой с понедельника. Да и у нас два раза не сработало. Ты можешь записать про два раза. Про пломбу мы знаем только по виду.

Матвей сопоставил новый свинец с обломанным винтом и ушёл за бланком. Лида подождала, пока он отойдёт, и вынула из сумки карманные часы. Она повертела их, не открывая: до чужого механизма сегодня очередь не дойдёт. Футляр потемнел, зато стекло было целое. Под стеклом на минутной стрелке не хватало самого кончика. До каждой отметки она доходила с заметным просветом. Лида завернула часы в платок и положила туда, где хранила принятые заказы.

Полчаса они разливали чай и строили звонок для Платона из разобранной дверной пружины. Первый раз заводная спица соскочила. Второй раз груз ударил по дну кастрюли и оставил вмятину, а звук ушёл в стол. Чашу Лида подвесила за край, одной спицей загородила дно, другой отодвинула груз. Матвей принёс из сеней глиняный кувшин и из него наливал столько воды, сколько она называла. В третий раз чашка зазвонила отчётливо. Пронзительно и не очень громко, как ложка о толстый стакан. У Платона услышат. На верхнем этаже у Гридиной — вряд ли.

Матвей потянулся к чашке, чтобы снять её, и сразу отдёрнул руку.

— Что? — спросила Лида.

Он показал пальцем на дно банки. Вода от опыта осела. На донце медленно разрасталась тёмная полоска.

— Трещина, — сказала она. — От банки сама вода уходит.

Лида сняла банку, переставила под раковину. Уже взяла целую с полки, чтобы начать ещё один опыт, но остановилась. При отжатом рукаве вода в колбе всё ещё держалась до половины. Она положила руку на медный бок снятых часов. Холодное железо в неподвижной мастерской еле слышно вздрагивало.

Лида подняла глаза на Матвея. Он ничего не заметил. Тогда она взяла его за запястье и положила два его пальца на корпус.

— Это от печи идёт? — спросил он.

Она отпустила его руку, прошла до кирпичной стены и вернулась. Подошва на полу ничего не чувствовала. Вибрация шла из корпуса, слабая, неровная. Магазинные будильники так не делали. От каждой стойки речному прибору по мокрой трубке передавался общий ход: сильные изменения доходили быстро, иногда, особенно при поломках, добегающий напор ещё какое-то время слышался в закрытой водяной полости. На стенде обычно гасили остаточный ход, поднимая и спуская колбу. Лида сегодня проделала это дважды. В корпусе он всё ещё жил.

Матвей не убрал пальцев.

— Как на стойке у Гридиной, — сказал он. — Я её придерживал, пока ты над банкой сидела. Тоже так. Ни у одной больше сегодня не чувствовал.

Лида взяла со стола щипцы. Подвигала едва слышную перемычку. Держалась крепко, только в самом конце ходила вниз.

— В Гридинину трубку может приходить остаточный напор даже тогда, когда у неё воды во дворе нет. Звонок от него сработает. Мы её предупредили, чтобы шла наверх, она ещё полбеды успеет. А если наоборот? Если трубку заглушит? Двор зальёт, банка останется сухой.

Матвей посмотрел на приспособление над столом. Две спицы, проволочное ушко, целая банка взамен треснувшей. Потом подвинул к Лиде чистый бланк.

— Что заводить у Платона?

— Там рама под дверью. К раме прикрутим поплавок. Когда вода дойдёт до двери, будет прямо ему в дом звонить. Тут я сама проверю, с какой стороны напор.

— Банку Гридиной снять?

— Оставь, только скажи не полагаться на неё одну. Ей нужен видимый знак, где вода. Пусть Зоя из окна посмотрит.

Он надел плащ и пошёл к выходу. В дверях обернулся.

— Платону ты чашку обещала. Я её пока заберу, чтобы она не разбилась.

У стены он постоял ещё немного, будто решал, стоит ли спросить, с чего Лида взяла, что доски и тряпки завтрашнему напору помеха. Потом поднял чашку, придерживая обеими руками. Лида взглянула ему вслед и увидела на полу сухую, продольную щепку. Он её обронил, когда разводил огонь.

Лида подняла щепку, вернулась к верстаку и приложила поперёк привода. Укол дерева в ноготь привёл ей на ум кое-что старое. Когда она училась, Витин любил давать разные ученикам поломки, им самим устроенные. Портил зуб, блокировал привод, перевешивал чашу так, чтобы после первого удара та погасила второй. Если ученик обнаруживал одну поломку и заканчивал испытание, Витин спокойно ждал, пока он соберёт корпус, потом спрашивал, куда тот дел вторую закладку. Лида больше всего ненавидела это слово. У Витина в классе, если уже нашёл одну закладку, можно было встать и удвоить себе объём работы с чистой совестью. Дома, у отца, она даже после первого сбоя искала, что ещё не заметила. Отец однажды сказал, что за такой страх она будет брать с людей непомерную цену. Они спорили весь вечер. Наутро он принёс четыре песочных часа и велел проверять им на время, чтобы честно считать труд.

Лида подвела щепку под перемычку. В ответ вибрация прекратилась. Пальцы ещё мгновение держали дерево, хотя в нажиме уже не было нужды. Ей явственно показалось, что внутри корпуса что-то отпустило и притихло.

На стук в дверь Лида отреагировала не сразу. Поздние заказчики, когда сомневаются, выжидают. Тут ударили дважды и тут же нажали на скобу. Она успела только выдернуть щепку и накинуть на часы ветошь.

— Речной приказ, — сказали снаружи. — Открывайте. У вас чужой журнал.

Глава 6. До шести

Лида открыла дверь настолько, чтобы видна была медная табличка с часами работы. Табличка висела на той же скобе, которую человек снаружи без всякого толку дёргал на себя.

— Из речного приказа пришли пешком? — спросила она.

На пороге стоял молодой человек, голова которого прямо над воротником была обвязана тёмно-красным шарфом. Один конец шарфа исчезал в пальто. Другой он зажал в руке. Перчатки на левой не было, пальцы светлели от холода.

— Если вы Лидия Сивер, вот предписание, — сказал молодой человек.

— Дайте сюда.

Он просунул между дверью и косяком сложенный лист. Лида прижала его ладонью к стене, развернула и прочла при свете из мастерской.

— Написано, что обходчика Рогова просят предъявить журнал к шести утра.

— Да.

— Рогов сюда приходил, но уже ушёл. Вы на часы смотрели?

Молодой человек перебросил шарф через плечо. Под складкой Лида заметила нашивку с номером. Такие носили ученики при канцелярии, если могли выходить из здания по своим делам. У первых номеров нашивки были зелёные, у выездных белые. У этого белая, с одним потемневшим углом.

— Меня велели сюда прислать, потому что журнал у вас, — сказал он. — Вы мне скажите, у вас или не у вас. Я на бумаге напишу.

На улице от ветра тихо побрякивала окантовка таблички. Лида разглядела за его плечами человека в длинной шинели. Тот стоял чуть поодаль, со стороны подъёма, и ничего не говорил. Только раз отвёл руку от груди и положил её обратно. Лида узнала этот скупой жест раньше лица. Так поздно вечером он придерживал карман с ключами, если шёл по льду: чтобы в случае падения связка не ударила по рёбрам.

— Роман, — сказала она. — Зачем ты поставил ребёнка на мороз?

— Мне девятнадцать, — ответил молодой человек.

Роман Сивер поднялся на крыльцо. У него были аккуратные усы. Он сам о них заботился каждое утро, даже когда лежал с воспалением лёгких и медик запрещал ему садиться. Лида видела его в последний раз у тётки за поминальным столом. Тогда Роман левой рукой придерживал блюдо, а правой снимал у себя с тарелки тонкие рыбьи кости. На пальто у него сегодня весь правый рукав был мокрым. Роман отвёл плечо, чтобы не задеть Лиду.

— Сними шарф, Данилов, — сказал он молодому человеку. — Ты его сейчас сам себе на горле затянешь. Лида, впусти. Пять минут. Мы оба приедем раньше, если поговорим в тепле.

При слове «приедем» молодой человек на секунду поднял глаза. Лида тоже посмотрела вниз, туда, где заканчивалась видимая часть улицы. Может быть, экипаж стоял за углом. Или это была присказка Романа, которая при нём с тех пор, как он обзавёлся формой и перестал уходить пешком дальше площади.

Она отступила. Данилов вытер сапоги о нижнюю ступень и вошёл первым. Роман остановился у порога, подул на мокрый рукав и потом аккуратно придержал рукой оборку фуражки, чтобы с неё не посыпался снег.

— Журнал у меня, — сказала Лида. — Кто его получит, тому я выпишу передачу. Но у вас предписание на шесть. До шести он нужен обходчику.

— Он нужен на маршруте, — ответил Роман. — Только там. Десять лет у каждой смены было одно и то же условие. Журнал нельзя оставлять без присмотра.

— Тогда объясни, почему в понедельник на столе у Семёна Гатя лежали два.

Роман посмотрел Лиде в глаза. За его спиной Данилов нашёл вешалку и растерянно стоял возле неё, так и не повесив шарф.

— К Гатю ты ходила? — спросил Роман.

— За его часами. Ты их снял?

— Я пришёл принять работу. За мной шёл слесарь. Слесарь снял, а я проверил, чтобы он перекрыл трубку. Гать потребовал вернуть ему старое стекло. Мы целиком забрали прибор, чтобы стекло не повредили.

— А что ты принял?

— Лида, у меня на руках семь таких домов. Если каждый запросит справку с описанием того, как держится старая трубка, мы до нового года не выйдем.

Он говорил так, как обычно говорят над незнакомой чашкой: вроде бы учтиво и уже дожидаясь, пока тебе нальют. Лида сняла свистящий чайник, поставила его на подставку и поднесла Роману бланк. Тот подвинул бланк от себя.

— Читай, — сказала она.

Он прочитал первые строчки глазами, на словах о не состоявшемся звонке кашлянул. Лида подождала. Роман дочитал до подписи Матвея и поднял бланк к лампе. Ради этой подписи он, видимо, пришёл. Обнаружив её, отодвинул лампу, чтобы её тесная ручка не цеплялась за лист.

— Вот что, — сказал он. — Я могу выдать тебе бирку, которая разрешает заняться этим прибором. Сразу, с вечера. У него новый внутренний ход. Есть дни, когда такому ходу нужно привыкнуть к стойке.

— В чём новый?

— Уплотнение. Я слесарю сказал снимать старые, где уже течёт. Они потому до темноты и не успели.

— У соседки такая же пломба. Флажок синий и там. Я хочу при ней проверить звонок.

Лида вспомнила, как Аглая вдруг спросила, которое окошко левое. Если бы юноша сейчас потребовал записку от Аглаи, ничего у неё не было. Роман, однако, записку не потребовал. Он свернул бланк к краю, увидел, что Лида держит другой край, и оставил бумагу на столе.

— До сброса у вас двое суток. В этот раз всё сделают очередью. Зачем ты ходишь на Нижнюю по темноте? Если ляжет вода на настил, Рогов вытащит себя. А ты?

— Я хожу, потому что часы не звонят. Это моя работа.

— Твоя работа стоит здесь, под крышкой. Взялась бы у меня за бирку, я бы ещё десять таких часов отдал. Тебе бы за это заплатили один раз и без задержки. У старого Николая это считалось бы удачей.

В комнате стало тихо. Данилов за вешалкой присел и поправил задник сапога. Роман не стал добавлять ничего про Николая. Он не мог не видеть, как Лида уставилась ему в лицо. Если у него и мелькнуло желание поправиться, он удержался.

— В журнале под вчерашним числом его подпись, — сказала Лида.

Роман отвернулся от лампы. Под подбородком чётко обозначилась выемка, незаметная, когда он улыбался. Лида не видела у него такой выемки с прошлого лета. В тот раз он пришёл к тётке за закрутками, она отдала ему три банки. На обратном пути он разбил одну прямо у крыльца, и тётка выгребала из снега осколки и окоряла его за сапоги, за голые руки, за всё сразу. Роман стоял посреди двора и ждал, пока она закончит. Потом попросил веник. Он и тогда хотел уйти быстро, но оставить осколки не мог.

— Покажи, — сказал он.

Лида сняла журнал с полки. Пока шла к столу, в ней опять поднялась надежда, ничего больше не связанная с тем, что она знала. Может быть, Роман посмотрит и скажет: вот здесь видишь, как крючок загнулся, Николай писал чуть иначе. Она сама не знала, что ей от этого будет тяжелее. Увидеть разницу или услышать, что Роман её не видит.

Он даже не коснулся строки. Посмотрел на верх страницы, на дату, на пустой угол под клетками. Потом поправил журнал, чтобы тот лежал параллельно краю верстака.

— Это расписка о проверке. Я на такие не смотрю, если по воде всё сошлось. Они могли повторить лист.

— Вчера?

— Вчера никто не расписывался живой рукой во всех домах подряд, — сказал Роман. — Я передавал ведомость. Кто и чьей рукой подписал, спроси в канцелярии.

— Ты ведь за этим сюда пришёл.

— Я пришёл за книгой, потому что утром по ней обходят. Данилов карточки сведёт и вынесет листы, мне велели его проводить. Он за них отвечает. Твои часы пусть будут у тебя до утра. Пока Рогов бегает по дворам, надо, чтобы у кого-то здесь были руки свободны.

Данилов за вешалкой поднял голову.

— Я-то только за книгу отвечаю, — сказал он.

— Вот и договоритесь.

Роман отошёл от верстака, накинул фуражку. Лиде показалось, он уходит. Уже у двери он поднял с печной заслонки сухую рукавицу, о которой она совсем забыла, и сунул ей в руку.

— На улице скользко у соляного. Коля на таком месте однажды упал. Я из-за него часа два домой опоздал. Он сапог себе разрезал, дурак, чтоб ногу из льда вынуть. Вообрази, мог просто снять сапог.

Она взяла рукавицу. Когда снова посмотрела на дверь, за Романом было видно пустое место у крыльца.

Данилов остался стоять у вешалки с шарфом. Лида достала из шкафа две чашки. В одну положила кусок сахара, в другую пустила чаинку, прилипшую к ободку чайника.

— Я журнал не отдам без копии. Подождёте?

— А если они скажут, что его испортили?

— Тогда запишите, что вы видели, когда забирали.

Она открыла журнал. Подложила под страницу доску. Сняла с крючка тонкую бумагу для чертежей и закрепила её на двух углах зажимами. Переводила не всё подряд, а то, что можно было потом проверить: номер страницы, дату, номер часов, подпись, косую черту в пломбе. В нижней клетке возле подписи проступала маленькая выщербина. Бумагу там чем-то протёрли. Лида обвела отверстие кончиком карандаша. Данилов подсел и попросил чашку без сахара. Пока он пил, она сняла лист на свет и добавила ещё одну отметку: как далёк росчерк от линии.

— А расписку мне куда? — спросил Данилов.

— Садитесь сюда.

Она оставила ему стол, перо и лампу. Из сеней вошёл Матвей. Мокрая полоса на его сапогах доходила почти до щиколотки. Он снял платок с шеи и стёр грязь с пальцев. Лида показала ему рукой на журнал. Матвей посмотрел на часы над её плечом.

— Два сорок, — сказал он. — За три часа, значит, решили прийти. Заснули бы спокойней к шести.

— Мы естественным ходом, — сказал Данилов и сердито потёр глаза. — Мне велели забрать то, что на местах, я и забираю. Если у вас здесь всё похоже на случай, почему я виноват?

Матвей снял фуражку и пододвинул ему чистый бланк.

— Сегодня ты поручение выполнил, — сказал он. — Поставь дату и время, и что страницы целы. Я подпишу.

Данилов написал, что получил прошитый журнал с двадцатью шестью листами. Матвей проверил, откуда начал считать. Они разошлись на одном: Данилов считал лист с нарисованной на нём набережной, Матвей — нет. Лида вытерла руки, подошла и показала, что лист приклеен к заднему картону. В конце написали, что листов двадцать пять, карта на внутренней стороне обложки. Данилов задул чернила и пошёл к двери, держа журнал под пальто.

Оставшись вдвоём, Лида подняла с верстака кальку. За закопчённой лампой двойная петля в подписи была теперь хорошо видна. Матвей ещё не успел снять плащ. Он положил рядом свой второй бланк, тот, куда записал про две пробы и пломбу.

— Платон не спал, — сказал он. — Чашка у него. Он уговаривает Тасю не идти завтра за сапогами к мельнице.

— Убедил?

— Она спросила, чем он будет ходить сам. Мы нашли пару, сорок третий. Ему велико, ей совсем велико, так что, говорит, утром поделим. Платон при всех торговаться не стал.

Лида дотронулась до сухой рукавицы. Вечер был ещё на ней, чужая рука успела переставить её с тёплого места. Лида подумала, что Роман сам мог забрать журнал, и курьер подписал бы всё что угодно. Вместо этого вышел во двор и даже не дождался, когда Данилов допишет число.

— Подшивку ведомостей в управе где держат? — спросила она.

— На верхнем ярусе, за комнатой с тремя окнами. После шести туда с улицы идут те, у кого есть отметка.

— Сделаешь мне такую?

Матвей вернул ей бланк и показал на след от пломбы, затянутый карандашным кругом.

— У меня завтра уже не три чужих адреса, — сказал он. — У меня официальная проверка сорвётся, если эта ночь никуда не попадёт. Пойдём просто вдвоём. У них глаза на месте.

За окном просветлела верхняя кромка стекла. Лида знала, что до рассвета ещё есть время. На мостовую выкатили фонарь, привязанный к конской сбруе. Фонарь медленно качнулся и поплыл по улице вниз, к тому самому месту, где под снегом вода уже прорыла себе ход.

Глава 7. Приёмная с тремя окнами

Улицу преградила подвода с ржаной мукой. Правая ступица ушла в канаву, и возчик, держась за колесо, кричал коню в ухо. Конь осел на задние ноги. По левой стороне настила скользнула и лопнула соломенная верёвка, которой связали последние мешки. Один мешок звякнул о скобу и покатился к воде.

Матвей поймал его у самого края. Мешок был крепко зашит, но на шве распустилась нитка. Она там давно торчала: мука успела пропитать её насквозь. Ткань разошлась у Матвея в руках. Он поднял мешок на плечо, выругался и побежал к ближайшей крыльцовой лестнице. Лида схватила за узду коня. Конь толкнул её лбом, она отступила на мокрую ступень и едва не выронила сумку.

— Не держи! — крикнул возчик.

— Я не держу. Я его уговариваю.

Возчик посмотрел, как она косится на канаву и держит узду двумя руками, и перестал кричать. Выбрался из-под колеса, откинул с кузова ещё один мешок. Матвей уже успел вернуться. В левый рукав плаща набилась мука, и он при каждом шаге оставлял на мостовой белый след. Лида дождалась, пока Матвей отойдёт с мешком, и позвала коня за собой. Тот ступил на переднюю ногу, сразу отдёрнул. Лида почувствовала, как у него под кожей ходят мышцы. Опять шагнула вперёд. Конь подался вслед за ней. Пустевшая повозка качнулась, возчик упёрся спиной в задок, и колесо одним рывком выскочило на мостовую.

Подвода осталась посреди улицы. Возчик сгребал муку в ладони, как зимой сгребают в две руки воду. Лида заметила на раскрывшемся мешке нашивку с синей верёвочкой. Такие мешки привозили на ночные поставки к речному рынку. Синий шнур значил, что товар заберут ещё до открытия, по записанным заявкам.

— Нельзя было по верхней? — спросил Матвей.

— Я по верхней и ехал. Нас с поворота завернули. Говорят, кто хлебу нужен, туда пропуск с утра будет. А к утру, сам гляди, сколько всего прикатит.

Он выпрямился, придвинув к себе мешок. Мука на его пальцах сразу взялась тёмными комочками.

— Чья застава? — спросил Матвей.

— Чья у нас бывает? Госпожа из управы поставила. Там двое. Один шинель снял и повесил поперёк шлагбаума. Тоже храбрый.

По высокой части улицы погнали тележку с одной бочкой. Возчик уступил, проезда всё равно не получилось. Рядом затормозили санки с ящиками. На ящиках белели длинные ряды яичных поставок, и последние ночные фонари дрожали возле них на верёвках. Лида привязала мешок с дырой к борту, чтобы не скатился. Матвей взял сумку и повёл её боком вдоль стены. Они оказались над канавой — над той же полосой, откуда только что вытаскивали колесо. Внизу из-под снега всплывали соломинки. Лида видела, что их сначала тянет к реке и только потом по одной притягивает к камню. Камень казался неподвижным. Между ним и мостовой появилось отверстие, куда вода уже успела забрать тесёмку от чьего-то сапога.

— Под верхней стеной идёт подсыпка, — сказал Матвей. — Если весь обоз сюда пустить, утром никто не поднимется.

Они вернулись на сухой конец настила. У угловой лавки Матвей остановил мальчишку с пуговицей на проволоке. Мальчишка спускал её в прореху между досками и вёл по воде, как плотик.

— Тимка, бегом к Силантию. Скажи, у угла мостовую ест, пусть выйдет и никого не пускает. Потом найди старшего, который верх закрыл. Скажи, Рогов просит снова открыть.

— А если он тебя не знает?

— Покажи, где стою.

Мальчишка намотал проволоку на руку и ушёл. Матвей уже ступал к первой из ожидавших тележек. Лида видела, как он поднял руку. Возница дёрнул вожжи и перестал гнать лошадь вперёд. Другой требовал, чтобы Матвей поставил печать на накладной, если отставит его из очереди. Матвей перевернул бумажку и написал где-то на обороте. Следующий стал совать свою, и Матвей взял её тоже. У него не было при себе стола. Листы он подписывал по одному на ладони.

Лида свернула к управе. Она знала, что туда Матвей не опоздает. Выбирал и расставлял людей он на ходу. А в комнате, где надо ждать отметку, никто за него говорить не будет. Лида могла хотя бы занять очередь.

До управы она дошла через рынок. К нынешнему утру прилавки ещё не открыли, зато у нижних ворот торговали горячей водой. Воду приносила женщина в большом фартуке с иероглифом, который Лиде всегда напоминал согнувшегося гуся. Она наливала по кружке и собирала по булавке. На булавки можно было потом скрепить расходные квитанции. Женщину звали Марфа, кружки у неё были разнокалиберные. Как-то Лида купила за булавку полную миску, и теперь Марфа по старой памяти велела ей выбирать вторую от котла.

— У меня нет булавки, — сказала Лида.

— Снимай с пломбы. У вас они есть от всего.

Лида взяла вторую кружку. В кружке плавала одна чёрная стружка. Марфа выковырнула её пальцем, дунула на воду и поставила кружку у края котла. По дыму можно было понять, что ветра на площади пока нет. Вдоль торговых рядов торчали рыбины, подвешенные за хвосты. У некоторых ещё оставалось чешуйчатое серебро на боках. Перед открытием рыбу могли бы перенести в сухой подъём за конторой, если не нагнать туда всю Нижнюю. Лида выпила воду. Она уже собиралась поблагодарить, когда Марфа притянула к себе первый мерный ковш и спросила:

— Сегодня же цены останутся?

— Какие цены?

— На хлеб. Мне ведомость дали. Вчера дешёвый был, потому что зерно по воде шло. А сегодня верх закроется. Вот я и спрашиваю. Ты здесь кого знаешь?

— Теперь, кажется, одного человека знаю меньше, — сказала Лида.

Марфа не поняла. Она протянула руку за кружкой. Лида отдала, пообещала забежать потом с булавкой и пошла к лестнице.

Управа стояла на гребне, вместо крыльца у неё был разворот для телег. Нижний ярус когда-то служил складом сахара. Колёса там разворачивались до самой стены, и на нижней кромке портала ровные выщербины были глубже, чем чугунные цифры над входом. Верхний ярус отделали новой штукатуркой. На фасаде сделали три окна в виде полукругов. Зимой через них каждое утро было видно огни, хотя двери ещё долго оставались закрытыми.

Лида вошла с бокового хода, там уже сидели на скамье две женщины с чистыми слезящимися лицами и мужчина, у которого на коленях стояла корзинка для голубей. Над скамьёй на гвозде болтался картон с объявлением. По нему жалобы на паводковый сбор принимались через одного. Лида перечитала дважды и не поняла, через одного кого.

Снизу поднялся Данилов. Шарфа на нём больше не было. На воротнике торчала отпавшая верхняя пуговица. Он остановился на площадке, увидел Лиду, моргнул.

— Вы быстро, — сказал он.

— Думала, сюда позже пускают.

— Это в канцелярии позже. Сбоку всю ночь. Как кто увидит, что снизу уже речка по окну идёт, он что, будет до завтра ждать?

Данилов шагнул к узкой двери, отделанной старым чёрным железом. Дверь подалась легко. За ней пахло бумагой, сухой и медленно пылящейся. Лида увидела у окна спину жен-

щины в простой тёмной юбке. Женщина наклонилась над умывальником, отвинтила пробку, налила немного воды и стала смачивать салфетку. У окна уже стояли три синих крынки, во всех были воткнуты щётки. Вода из одной щётки стекала в блюдце. Задержалась на трещине, вдруг тронулась дальше и капнула на пол.

— Сивер? — спросила женщина, не оборачиваясь.

— Часовщица, — сказала Лида.

Женщина отжала салфетку и приложила к глазам. Только потом сняла её. У неё были широкие скулы и брови, которые прищур оставлял на разных высотах. Лида видела это лицо прежде, на площади, когда объявляли налог на плоты. С той доски у Варвары Ремез спросили, умеет ли она из плавленого льда сделать один воз сена. Варвара сказала, что не умеет. И велела дать ей неделю подумать, как взыскать с тех, кто крутит плотами, а до сена не добирается. После этого кто-то в толпе засвистел, но прямо до доски не дошёл никто.

— Денег за часы у меня сейчас нет, — сказала Варвара. — На стол кладите, что принесли.

Лида вдруг поняла, что Данилов стоял у порога и не мог закрыть дверь, пока она держит её локтем. Она шагнула внутрь. Дверь закрылась.

На столе лежал журнал. Рядом вытягивалась стопка чистых ведомостей. У ножки лампы остался отпечаток ещё мокрой печати, и край оттиска смазали кружкой. Лида взяла из сумки оттиск пломбы, достала свою кальку. Варвара подвинула к ней блюдце, чтобы листья не легли в краску. Потом прижала промокашку к пятну и аккуратно выбросила в ведро.

— Вот прибор из дома Гридиной, — сказала Лида.

— Где?

— В мастерской. Сломанный не таскаю. Здесь акт.

Варвара протянула руку. Несколько секунд она держала акт перед собой на вытянутых пальцах. Лида вспомнила, что тогда на площади Варвара смотрела прямо на людей, даже если те её перебивали. Теперь прищур был заметен сильнее. Если она прочитала мелкие буквы, пришлось потрудиться.

— Вы нашли, отчего не звонило?

— Нашла, что ударить могло, но от воды не бьёт. Дважды провели. Есть другие такие же пломбы.

— Других часов вы проверили сколько?

— Пока проба только Гридиной. У Аглаи отметка такая же, вскрывать ещё не стали. Платон сохранил замену, которую привезли.

— Пломба бывает одной на партию. Сколько в партии, знаете?

— Вы мне скажите.

Варвара снова поднесла акт к глазам. Чуть повернула лист к окну. Свет успел перемениться: за оконной рамой обычное утро легло на площадь, и где-то посередине стекла очутилось голубое пятнышко отражённого неба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.